

28 июля 1991 года, Тисовая улица, Суррей. Гарри, погруженный в мечты о магическом мире, не сразу заметил, как тетя Петуния, с тревогой в глазах, открыла его дверь. Он поднял взгляд на ее бледное лицо, вздрогнув от неожиданности. — Доброе утро, тетя Петуния, — произнес Гарри, голос его звучал холодно и отстраненно. — Полагаю, нам есть о чем поговорить, не так ли? Дома номер четыре по Тисовой улице сотрясали крики и гнев. Петуния, охваченная ужасом при виде письма, которое держал Гарри, обрушилась на него с потоком упреков. Она обвиняла его в том, что он «урод», который разрушает ее жизнь, что он причина всех ее несчастий. Гарри стоял неподвижно, словно каменная статуя, лицо его оставалось непроницаемым, не дрогнув даже под натиском тетиной истерики. — Вы закончили? — наконец, спросил Гарри, едва заметно приподняв бровь. — Я запрещаю тебе ходить в эту школу для уродов! — завопила Петуния. Гарри не стал кричать в ответ. Его голос был спокоен, почти безразличен. — Я не совсем понимаю вас, тетя Петуния. — О чем ты говоришь, мальчик? — рявкнула Петуния. — Вы постоянно твердите, что я — пустая трата времени, что из-за меня у вас нет второго ребенка, потому что вы не можете позволить себе еще одного. Вы даже не называете меня по имени, только «мальчик» или «уродец». И все же, когда у вас есть возможность избавиться от меня, вы запрещаете мне уходить, — спокойно, но с явной горечью, произнес Гарри. Петуния попыталась было возразить, но Гарри не дал ей шанса. — Потому что дело не во мне, тетя Петуния, — продолжал он, — Дело в вас, это всегда было связано с вами. Вы завидуете тому, что вы не такая, как я, что вы не особенная. Вам было недостаточно игнорировать меня, делать вид, что меня не существует. Вы скрывали от меня наследие моей семьи с самого детства. Я никогда не сердился на вас, потому что видел вас такой, какая вы есть — ревнивой женщиной, которая никогда не сможет добиться большего, чем быть домохозяйкой, в то время как я знал, что даже без магии я буду намного выше вас. Петуния не выдержала и ударила Гарри по лицу. Он посмотрел на нее с недоверием. — Вы серьезно считаете, что все, что я сказал, — ложь? — холодно спросил он. — Ваша реакция, удар по ребенку, говорит о многом. Я еду в Хогвартс, и точка. — Я все еще не уговариваю тебя пойти в эту школу, — процедила Петуния. — О, моя сестра была точно такой же, как ты. Она получила свое письмо и исчезла, забыв о нас, обо мне, ради этого мальчика-урода. Мои родители так гордились тем, что в семье есть ведьма, но я видела, кем она была — уродкой. Потом она встретила этого Поттера, взорвала себя, и нам достался ты. И ты был таким же уродом, даже когда был мальчиком. Всегда слишком знающий, слишком умный, слишком странный. Как только я взглянула на тебя, я поняла, что ты такой же урод, как и твоя мать. — Значит, все это время вы просто завидовали своей сестре? — спросил Гарри. — Вы знали, что я волшебник, и надеялись, что это просто пройдет. Вы знали, что письмо придет, точно так же, как вы знаете, что я уезжаю. Петуния зарычала: — Черта с два я тебе позволю! — Ну, не то чтобы я должен что-то делать, — ответил Гарри. — У меня есть ощущение, что если я не появлюсь, школа просто пошлет за мной волшебников, взрослых волшебников, которые знают, что делают. Вы собираетесь кричать на них тоже? Петуния побледнела от страха, понимая, что у нее нет никакой власти. — Но ты можешь сказать им, что отказываешься. Ты можешь сказать им, чтобы они ушли, — прошептала она. — И почему я должен это делать? — спросил Гарри. — Я — твоя тетя, твой опекун... Гарри бросил на нее взгляд и, впервые за все время ссоры, повысил голос: — Ты для меня никто, и ты это знаешь. Точно так же, как я для тебя — ничто. О, я бы принял ваш вклад, если бы вы хоть немного притворились, что проявляете ко мне материнскую заботу. Но ведь это не так, не так ли? Вы обращались со мной, как с грязью, как с обузой, а не с племянником. Стоит ли удивляться, что я умываю от вас руки при первой же возможности? — Я так и знала, — прошипела Петуния. — Я знала, что в тот момент, когда ты получишь свое проклятое письмо, ты оставишь нас, как Лили оставила меня. — Это не имеет никакого отношения к магии, — сказал Гарри. — Поверьте, я планировал уйти, как только смогу. Я знал, что нежеланен в этом доме. Это может быть ваш дом, но он никогда не был моим. В тот момент, когда это было бы возможно по закону, я бы покинул это место. Это просто способ уйти раньше. Подумайте об этом так: вы будете видеть меня едва ли пару месяцев в году, и если я смогу что-нибудь

устроить, вы больше никогда меня не увидите. Разве не это было вашим самым заветным желанием, тетя? Глаза Петунии заблестели. — Ты не можешь. Ты — ребенок Лили. — И мне было бы не все равно, если бы я знала о ней хоть малейшую деталь. Но вы никогда не говорили о ней ни слова и кричали на меня, когда я спрашивал. Вы не можете держать ее надо мной, когда вам явно безразлично. Теперь все, что мне нужно от вас, — это подробности о том, как попасть в магический мир, и я оставлю вас в покое. Гарри нужна была информация, подробная информация, потому что в школе, похоже, считали, что он уже знает о магии, что он волшебник. Учитывая, что магглорожденные могли бы проигнорировать письмо, как розыгрыш, было бы логично, если бы пришел профессор, чтобы все объяснить и, по крайней мере, продемонстрировать немного магии, чтобы доказать, что Хогвартс — это реальная вещь. Но никто не пришел к Гарри. Все, очевидно, считали, что он не нуждается в представлении, которое должно включать общее объяснение, где можно купить их магазины. Вероятно, это было на Диагон Аллее, но Гарри пообещал себе не воспринимать рассказы как абсолютные факты. Отсутствие шрама на его лбу было достаточным доказательством того, что он не был непогрешим. Однако Петуния, похоже, не была склонна помогать ему. — Нет, не собираюсь, — сказала она. — Еще раз, ты не сделаешь этого, придут волшебники, и они не будут добры к тебе, — сказал Гарри. Тетя Гарри бросила на него взгляд. — Ты думаешь, что ты такой умный, не так ли? — спросила она. — Я знаю, что я умный, — ответил Гарри. — Как бы вам ни хотелось притвориться, что я какой-то простак, как ваш неотесанный сын. — Всё закономерно, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Вы прекрасно понимаете, что происходит. Давайте не будем лицемерить и признаем, что дело не во мне, а в чувствах, которые вы, по всей видимости, питаете к моей матери. Так что, если вам угодно, чтобы я ушёл, просто укажите мне дорогу. Я не стану усложнять ситуацию, просто уйду с миром.